

276. И. С. ТУРГЕНЕВУ

6(18) декабря 1856. Рим

Рим. 18 декабря 1856.

Письмо твое застигло меня в самом разгаре работы и как варом обдало.¹ (Из Петербурга мне об этом не пишут). Не знаю, буду ли в состоянии кончить работу, в которую думал вылить всю мою душу, — без первой половины то, что я послал тебе, не имеет того значения, какое, я надеюсь, получит вещь в целом.² Признаюсь, она мне нравится. Глупый человек! Я воображал, что можно будет напечатать ее. О Тургенев! Зачем же жить, — то есть мне, которого жизнь — медленное, трудное умирание. Впрочем, к черту хандра и скуление. Хоть для тебя — кончу. Панаев не исправим, я это знал.³ Гроза могла миновать «Современник», будь хоть ты там. Такие люди, как он, и трусят и храбрятся — все некстати. Я не меньше люблю «Современник» и себя или мою известность, — недаром же я не решился поместить «Поэта и гражд(анина)» в «Современнике»? Так нет! надо было похрабриться. Впрочем, Панаева винить смешно: не гнилой мост виноват, когда мы проваливаемся!

О книге моей пишут чудеса, — голова могла бы закружиться. Когда я писал к тебе, я имел известие только от Вульфа и Чернышевского — чего только не было там, — я даже рассердился, — но пришло письмо Панаева (к Ав(дотье) Як(овлевне)⁴), и в нем то же. Неслыханная популярность, успех, какого не имел и Гоголь (!), — приличный Панаев, дозволивший себе такие выражения, заслуживал хоть вполтину доверия, и я порадовался. Твои слова много позолотили пиллюлю, которую я проглотил в твоём письме. Впрочем, хорошо, что ты написал. Я уж хотел посылать на днях (до конца недалеко) мою поэму в Петербург на 1 книжку. Кончивши, начну ее портить; может, и пройдет, если вставить несколько верноподданнических стихов.⁵

Друг мой Тургенев, в твоих жалобах на пузырь послышалась мне и кольнула сердце неуверенность, что ты приедешь в Рим. Не сомневаюсь, что пузырь болит, но подумай окончательно, приедешь ли ты? — а то я приеду в Париж, — это намерение у меня было, да я оставил его в надежде, что ты сюда будешь. Здесь воздух чудо — тепло, как летом, большую часть дней (кроме ноября, который был дурен и холоден), но вряд ли полезен мне римский воздух, — как подует широко, так от волнения грудь теснит. Говорят, это признак хороший в больном, но вообще я чувствую себя слабее, чем когда-либо, — и это, говорят, хороший признак для начала; может быть! а я все-таки подсыхаю заметно. Работа доводит до изнеможения, да уж не брошу, не кончив. Пиши мне, что ты посоветуешь делать мне с моей вещью (я пришлю тебе на днях остальное) при теперешних ценз(урных) обстоятельствах. Панаев ничего не пишет и только просит настойчиво моих стихов для № 1-го. Будь я сам на месте, я бы знал, надолго ли подул tramontano⁶ и что делать.

Спасибо тебе за разные твои известия, но что не пишешь, как идет твоя работа? Зачем у меня нет твоих сочинений!⁷ Черт знает, что делает Вульф! Привези их в Рим — да и «Современник». Мне и видеть его хочется и читать нечего. Пропорол слишком 1000 страниц «Ньюкомов». Люблю Теккеря.⁸ После тебя это любимый мой современный писатель. Хотел вычеркнуть после тебя, но я теперь не в таком духе, чтоб говорить любезности. Это сорвалось — и пусть останется. Русский характер, или мой лично, странно устроен, — когда твоя всегда милая для меня личность со всем своим влиянием на идущее сменить нас поколение стоит передо мной (а это часто бывает), кажется, сказал бы тебе много, а станешь говорить или писать — того гляди, слетит с языка злостная закорючка, а доброе слово мрет на языке или зачеркивается.

Ну, прощай. За этим письмом я развлекся от мыслей, которые нагнало на меня известие твое. Не хотел бы воротиться к ним — но и к поэме подойти дико. Нет! и мудрый Теккерей не все еще знает, он не бывал в душе русского писателя.

Фет тебе кланяется; он сегодня у меня обедает. Жаль, он хочет уехать 18 января; а я один буду тебе плохой собеседник, каким всегда был, — да не испугает тебя это. Здесь есть еще два-три человека. Желаю, желаю, чтоб твое лечение шло хорошо. Дела сердечные — бог с ними! Когда же мы угоним сердечные тревоги? Ведь ты уж сед, а я плешив!

Плещет меня не поразило.⁹ Ав(доть)я Яковлевна) тебе кланяется, я тебя целую и глажу.

Твой Некрасов.

Пиши мне чаще — об этом очень прошу.

Примечания

Подлинник: ИРЛИ, N 21.194, л. 69—70 об.

Впервые: ВЕ, 1903, № 12, с. 611—613.

¹ В не дошедшем до нас письме Тургенева сообщалось, по-видимому, о начавшейся в Петербурге цензурной буре, вызванной перепечаткой Чернышевским в «Современнике» (1856, № 11) «Поэта и Гражданина» и других стихотворений Некрасова. В результате последовало распоряжение министра народного просвещения Петербургскому цензурному комитету запретить перепечатывание книги «Стихотворений» Некрасова. «Современнику» угрожало закрытие.

² Поэма «Несчастные», над которой Некрасов работал в 1855— 1856 гг.

³ Некрасов винил И. И. Панаева в опрометчивой публикации стихотворений «Поэт и Гражданин», «Забывшая деревня», «Отрывки из путевых записок гр. Гаранского» (С, 1856, № 11). Однако виновником публикации был Чернышевский, объяснивший это своей неопытностью (см. письмо Чернышевского к Некрасову от 7 февраля 1856 г.: Чернышевский, т. XIV, с. 336).

⁴ Письмо И. И. Панаева к А. Я. Панаевой неизвестно.

⁵ «Верноподданнические стихи» были введены Некрасовым в конце поэмы (С, 1858, № 2):

Взрыдав душою умиленной,
Мы пали ниц, благодаря
Нас не забывшего царя.

В издании 1861 г. Некрасов эти строки снял (см.: наст, изд., т. IV, с. 321).

⁶ Tramontano — северный ветер (итал.); здесь в иносказательном смысле: ветер северной петербургской цензуры.

⁷ Имеются в виду «Повести и рассказы И. С. Тургенева с 1844 по 1856. 3 части», изданные П. В. Анненковым (СПб., 1856).

⁸ Некрасов читал Теккеря (роман «Ньюкомы») в переводе, опубликованном в «Современнике» (1855, № 9—12; 1856, № 1—8, при лож.).

⁹ Из стихотворения А. А. Фета «У камина», посланного Некрасовым Тургеневу в письме от 25 ноября (7 декабря) 1856 г. По-видимому, в не дошедшем до нас письме Тургенев обратил внимание на это слово. Стихотворение Фета Тургенев переслал А. В. Дружинину 5(17) декабря 1856 г.